

шей. Но это не были артели — каждый член такой группы занимался самостоятельно и не отвечал за другого перед хозяином. В то же время такие группы не являлись и потребительскими артелями: в пути «дорожная артель» часто подразделялась на двести потребительские, а во время работы по найму ни о каком совместном питании не было и речи.

В своей интересной работе А. Я. Порицкий в ряде случаев допускает неточности в употреблении терминов. Так, он часто подменяет вопрос об образовании сельского пролетариата вопросом о дифференциации крестьянства, ставит знак равенства между сельскохозяйственными рабочими и всей массой беднейшего крестьянства и называет их не классом, а прослойкой крестьянства.

В результате исследования общественного и семейного быта сельскохозяйственных рабочих А. Я. Порицкий приходит к выводу, что в нем, несмотря на силу традиций, «сформировался ряд новых черт (коллективизм, более свободное положение женщины, меньшая зависимость взрослых детей и др.), которые сближали его с бытом промышленных рабочих» (стр. 135).

Тема, поднятая А. Я. Порицким, интересна и очень обширна. Каждый из вопросов, затронутых им, мог бы послужить сюжетом для отдельного исследования. Рецензируемая книга, являющаяся началом разработки этой важной темы, несомненно, заинтересует этнографов и историков.

Н. Юхнева

С. В. Иванов. *Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.)*. Народы Севера и Дальнего Востока. «Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. 81, М.—Л., 1963. 500 стр., 318 рис.

Археологи и этнографы-сибиреведы с большим интересом ожидали выхода из печати труда С. В. Иванова, в котором его автор — один из крупнейших исследователей народного искусства и видный советский этнограф-сибиревед — ставил задачу исследования орнамента народов Севера и Дальнего Востока под историко-этнографическим углом зрения. Изучая отдельные стороны этого орнамента, автор старался, как он об этом сам пишет в предисловии, извлечь из них данные, прямо или косвенно указывающие на происхождение народа, его родственные и исторические связи с другими народами, на культурные взаимоотношения народов. Изучение сибирского орнамента в этом аспекте имеет очень важное значение для сибиреведения, где столь много еще «белых пятен» на листах ее этнической истории, а круг исторических источников сравнительно узок.

За последние годы и у нас, и за рубежом опубликовано много книг и статей, в которых орнамент используется для выводов по истории культуры и этногенезу отдельных народов. Вместе с тем, все чаще со стороны этнографов и археологов, занимающихся этнической историей, можно услышать серьезные критические замечания в отношении существующей методики изучения народного орнамента как исторического источника. Не секрет, что иногда даже в специальных этнографических исследованиях, посвященных народному искусству, когда речь заходит о происхождении орнамента, произвольно сопоставляются отдельные орнаментальные мотивы, распространенные у чрезвычайно широкого круга народов и на основании этого делаются весьма ответственные выводы. С другой стороны, некоторые исследователи, справедливо отмечая многие неясности в изучении орнамента, вообще отказываются от использования его как исторического источника при решении вопросов этногенеза, историко-культурных связей народов. Поэтому значение данной книги, в которой автором наряду с некоторыми, если так можно выразиться, традиционными методами анализа орнамента были вполне успешно применены новые приемы исследования, представляет большую ценность для всех, кого интересует методика изучения орнамента как исторического источника.

Труд С. В. Иванова состоит из шести глав и заключения. В первой главе рассматривается проблема и методика исследования, во второй — орнамент обских угров, в третьей — орнамент народов Крайнего Северо-Востока Сибири, в четвертой — орнамент эвенков, эвенов и долган, в пятой — орнамент народов Приамурья, Приморья, Северного Сахалина, в шестой — некоторые вопросы сравнительно-сопоставительного и генетического изучения орнамента.

Рассматривая проблематику и методику исследования, автор видит особую ценность народного орнамента как исторического источника в том, что он представляет собой относительно устойчивый элемент художественной культуры, сохраняющийся на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Это позволяет сопоставлять современный орнамент с древним даже в тех случаях, когда посредствующие звенья меж-

ду тем и другим утрачены или до настоящего времени не выявлены. Разумеется, автор признает и трудности изучения орнамента в этом аспекте, заключающиеся в том, что входящие в народный орнамент мотивы на протяжении своего существования не остаются неизменными. Они усложняются или упрощаются, утрачивают одни черты и приобретают другие, а некоторые мотивы, как это хорошо известно, могут совсем исчезнуть.

Автор обосновывает сравнительно-исторический метод изучения орнамента, противопоставляя его формально-сравнительному методу, свойственному многим буржуазным исследователям, которые даже этот частный прием анализа превращают в крайне поверхностное сопоставление фактов, имеющих различное происхождение и в действительности не связанных друг с другом. Вместе с тем, автор справедливо предостерегает от полного отказа от формально-сравнительных приемов исследования, которые в отдельных случаях могут быть полезны (стр. 31).

Исследование орнамента как исторического источника развивалось по четырем основным направлениям: 1) выяснение происхождения орнамента и раскрытие процессов его развития у отдельных народов (эндогенные процессы); 2) выяснение тех изменений, которые происходят в орнаменте под воздействием внешних факторов (экзогенные процессы); 3) изучение распространения орнамента определенного вида или отдельных его мотивов; 4) сравнительное изучение орнамента. Эти направления, отмечает автор, отражают современное состояние приемов исследования орнамента как исторического источника, но внутри каждого из них необходимы дальнейшие разработки.

Можно вполне согласиться с автором в том, что, ставя перед собой задачи исторического порядка, исследователь должен изучать не только орнамент, но и все связанные с орнаментом явления и процессы, все, что так или иначе может способствовать решению этих задач. Автор ограничивает свое исследование теми сторонами орнаментики, которые в более ясной и осязаемой форме отражают исторические судьбы населения. Такими сторонами являются: 1) технические приемы исполнения орнамента, 2) состав и особенности его мотивов, 3) композиционные формы, 4) типы орнамента, 5) орнаментальные комплексы. Такие же стороны орнаментики как колорит, местные названия отдельных мотивов и семантика, как менее стойкие признаки, автором в работе не рассматриваются.

В вводной главе дано определение разработанных С. В. Ивановым понятий орнаментального комплекса и типа орнамента, выявление которых чрезвычайно важно при изучении орнамента любого народа. Под орнаментальным комплексом автор понимает совокупность различных признаков орнамента — тех или иных мотивов, композиционных приемов и символов симметрии, технических приемов и типов орнамента, характерных для определенного периода его истории. Тип орнамента — это общность более или менее близких по характеру мотивов, которая в пределах художественной культуры одного периода родственных народов или территорий, населенных несколькими родственными или неродственными народами, отличается относительной устойчивостью, повторяется на протяжении более или менее длительного отрезка времени и связана определенными материалами и категориями бытовых предметов. Народный орнамент обычно включает в свой состав несколько исторически сложившихся типов. Большое внимание при изучении современного орнамента автор уделяет выделению орнаментальных комплексов, в которых особенно отчетливо раскрываются как местные особенности орнамента народов Севера и Дальнего Востока, так и вошедшие в состав их орнаментальные элементы художественной культуры других народов.

Из десяти орнаментальных комплексов, встречающихся в Сибири, четыре относятся к локально ограниченным местным комплексам: северо-восточный, характерный для северо-восточных палеоазиатов; тулусский среднесибирский; приобский, или обско-угорский; тулусский нижеамурский; остальные шесть распространены почти у всех народов Сибири, а также за ее пределами.

Отмечая значение исследования различных сторон орнамента и орнаментальных комплексов, автор отмечает, что они свидетельствуют о том, что искусство народов Севера и Дальнего Востока, в том числе и тех, которые населяют в настоящее время окраины Сибири, развивалось не изолированно, а в тесной связи с искусством других народов. Эти связи в особых, присущих орнаменту формах отражают различные этапы этногенеза и истории этих народов и нередко уходят своими корнями в далекое прошлое, о чем свидетельствуют археологические источники.

Так, исследуя орнамент обских угров (стр. 43—162), автор выделяет в нем следующие основные комплексы: местный приобский, восточно-европейский, характерный для славянских, финно- и отчасти тюркоязычных народов Европы, и евразийский, встречающийся у многих народов Европы и Азии. Присоединяясь по вопросу о происхождении обско-угорского орнамента к М. Плотинову и Довнар-Запольскому, полагавшим, что его основу составляют геометрические узоры, автор показывает, что один из комплексов, представленный главным образом серий бордюрных орнаментов, генетически связан с орнаментикой древнего населения евразийских степей. Развивая мысль В. Н. Чернецова о сходстве некоторых обско-угорских мотивов с орнаментом

древних андроновцев, С. В. Иванов значительно расширяет количество ранее известных параллелей. Вместе с тем, автор приходит к выводу, что даже местный комплекс не сохранился в чистом виде. Складываясь в течение веков, он включил некоторые технические приемы, усвоенные от древнего доугорского населения, с которым смешивались угры, а также заимствования от соседей — кетов и эвенков. Подробно анализирует автор причины, определившие сложение и других орнаментальных комплексов в искусстве хантов и манси, привлекая для выяснения путей развития орнамента угров также данные этнографии, археологии и антропологии.

Большой методологический и историко-этнографический интерес имеет впервые проведенное автором исследование орнамента народов Сибири с точки зрения технических приемов выполнения орнамента и символов симметрии. Так, у обских угров автору удалось выявить две различные по своему происхождению группы технических приемов, применяемых при декорировке предметов: древнюю местную и позднюю восточноевропейскую. У эвенков, эвенов и долган автор нашел следующие группы приемов — местную, восточную, североазиатскую, якутскую, нижеамурскую. У народов Нижнего Приамурья — местную, тунгусскую, среднесибирскую, южно- и юго-восточно-сибирскую или тюрко-монгольскую, восточноазиатскую, восточноевропейскую или русско-украинскую группу приемов.

Интересные выводы получены в результате анализа символов симметрии. Так, например, автору удалось установить, что симметричные узоры у обских угров и народов Крайнего Северо-Востока более древни, чем узоры асимметричные. На основании анализа символов симметрии у восточных эвенков автор установил влияние на их орнамент якутского искусства.

Большой интерес вызывает шестая глава, посвященная некоторым вопросам сравнительно-сопоставительного и генетического изучения орнамента, в которой рассматривается происхождение отдельных орнаментальных мотивов (простых и решетчатых квадратов и ромбов с продленными сторонами, диагонально пересеченных квадратов, восьмиконечной звезды, ступенчатых ромбов и др.), группа родственных узоров различной конфигурации, возникающих в процессе дивергенции исходных форм, а также распространения кружкового, в частности циркульного, орнамента. В этой главе широко и умело использованы различные археологические материалы, которые позволили автору сделать чрезвычайно ценные выводы о развитии некоторых орнаментальных форм не только в Сибири, но и далеко за ее пределами.

В целом очень ценное исследование С. В. Иванова не лишено все же отдельных недостатков. Вызывает сожаление, что в труде, посвященном орнаменту народов Севера и Дальнего Востока не нашло отражения искусство таких народов Севера как ненцы, энцы, иганасаны, селькупы, кеты. Неполнота имевшегося в распоряжении автора материала не оправдывает, разумеется, отсутствия сведений об орнаменте этих народов. Тем более, что их искусство теснейшим образом связано с искусством остальных народов Севера. Вместе с тем, сам факт недостаточной изученности орнамента ненцев, энцев, иганасан, селькупов и кетов должен привлечь внимание научных учреждений, занимающихся этнографией и искусством народов Севера с тем, чтобы как можно быстрее организовать у этих народов изучение декоративно-прикладного искусства.

В вводной главе С. В. Иванов подчеркивает особенно важное значение для советских ученых изучения эндогенных явлений в народном искусстве, «так как они отражают особенности культуры данного народа, определяют специфические черты орнамента и его национальные особенности» (стр. 41). Можно согласиться с автором в том, что изучение эндогенных процессов необходимо при исследовании исторического развития народного искусства, однако нельзя не возразить автору, что для советских ученых первостепенное значение имеют не только эндогенные процессы в развитии народного искусства, как и для всех других форм народной культуры. Изучая народное искусство как исторический источник, не менее важно использовать возможность этого ценного источника для выявления сложных процессов взаимодействия культуры данного народа с другими народами в ходе его этнической истории, роль различных этнических компонентов в его этногенезе, так как известно, что нет народов этнически «чистых», что все современные народы имеют сложный этногенез, в ходе которого шел непрерывный процесс взаимообогащения культур. Кстати, вся книга С. В. Иванова убедительно доказывает это положение.

Нельзя не отметить и того, что отдельные стороны орнамента не у всех народов, чье искусство представлено в книге, в равной мере исследованы автором, особенно относится это к народам Крайнего Северо-Востока. Нет упоминаний об отдельных видах техники, применяемой для орнаментации. Так, ничего не сказано об орнаментации бересты путем выдавливания узора зубами, существовавшего у некоторых народов Севера, в том числе у обских угров. Встречаются и отдельные неточности, например, к числу изображений металлических поясных подвесок, к которым привязывались сабли и кинжалы (стр. 434), отнесено изображение на каменном изваянии из Тувы (рис. 249—9). Но это изображение не подвески, к которой привязывалось оружие, а мешочка.

Есть в книге ряд дискуссионных положений, но острота и полемичность многих страниц книги несомненно относится к числу ее достоинств, а не недостатков.

Труд С. В. Иванова — весьма существенный вклад в мировую этнографическую науку. Будем надеяться, что его автор продолжит начатую работу и опубликует исследование орнамента народов Сибири, не вошедших в рецензируемую книгу.

С. Вайнштейн

С. И. Минц, Э. В. Померанцева. *Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов*. М., 1965, 470 стр.

Хрестоматия «Русская фольклористика» содержит труды дореволюционных и советских ученых, посвященные фольклору, и раскрывает становление и развитие русской фольклористики с XIX в. до наших дней. Такого рода книга появилась впервые. Она несомненно будет ценным и полезным пособием для студентов-филологов, педагогов и всех, интересующихся наукой о фольклоре.

Хрестоматия составлена С. И. Минц и Э. В. Померанцевой с глубоким знанием материала, уважением к виднейшим деятелям русской фольклористики дореволюционного и советского периодов (отметим, что подготовка хрестоматии явилась одной из последних работ ныне покойной С. И. Минц — неутомимого исследователя, талантливого педагога и пропагандиста русского народного поэтического творчества).

Хрестоматия построена в историческом плане, в соответствии с программой по фольклору для филологических факультетов.

Раздел историографии в курсе «Русское народное поэтическое творчество» — один из самых трудных для изучения. Многие работы, в особенности дореволюционные, стали библиографической редкостью и фактически недоступны студентам. Необходимость такого пособия остро ощущается и студентами-заочниками. Хрестоматия в значительной мере восполнит этот пробел. Ее учебно-научная ценность, своевременность появления несомненны.

Хрестоматия состоит из четырех больших разделов: 1. Классики марксизма-ленинизма о фольклоре. 2. Революционные демократы о фольклоре. 3. Русская дореволюционная наука о фольклоре. 4. Советская наука о фольклоре.

Первый раздел знакомит читателя с принципами марксистско-ленинской методологии фольклора. Он включает важнейшие высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о народном творчестве. Следует особо отметить публикацию в хрестоматии воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича об отношении В. И. Ленина к фольклору. На материале сказок и завоенных причитаний Ленин показал блестящий пример социально-политического анализа фольклора, имеющего основополагающее значение для советской фольклористики.

Во втором разделе хрестоматии помещены статьи В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского о русском народном творчестве. Они отчетливо раскрывают перед читателем становление передовой революционно-демократической науки о фольклоре, объясняют причины глубокого интереса революционных демократов к проблемам народного творчества и народности, имевшим тогда острый политический характер.

В третьем разделе собраны наиболее значительные работы русских дореволюционных ученых, представляющих различные направления русской фольклористики: мифологическую школу, теорию заимствования, историческую школу. Труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, В. Ф. Миллера и А. П. Веселовского помогут уяснить сложный и трудный путь дореволюционной фольклористики. В этом же разделе помещены работы Г. В. Плеханова и А. М. Горького, которые свидетельствуют, что одновременно с буржуазными течениями в русской фольклористике развивались и другие, продолжающие традиции революционно-демократической мысли, имеющие исключительное значение для формирования советской науки о фольклоре. С большим интересом прочитают студенты в третьем разделе и талантливые заметки крупнейших русских собирателей фольклора: П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Н. Е. Ончукова, Б. и Ю. Соколовых. Они раскрывают перед студентом-филологом увлекательность собирательской работы, учат любви к родному краю, народу и его искусству.

Четвертый раздел является одним из самых значительных в работе. Он посвящен советской науке о фольклоре. Приходится удивляться, как составители при таком ограниченном объеме книги сумели вместить столь обширный и богатый материал.

Раздел начинается статьями А. М. Горького, который оказал огромное влияние на формирование советской фольклористики. Здесь же впервые опубликованы воспоминания Ю. М. Соколова о встрече с Горьким, в которых со всей очевидностью выступают и беспредельная любовь писателя к фольклору, и действенная помощь советской